

Запертые двери, разумеется, не могли помешать Фу Юю войти.

Когда Бай Юй проснулся утром, он без малейшего удивления обнаружил у себя на талии чужую руку.

Агрессивные феромоны Альфы пропитали его насквозь. Влажный, липкий пот делал всё тело невыносимо чувствительным, в затылочной железе пульсировала горячая боль — она словно кричала, требуя, чтобы Альфа укусил его, оставил метку.

Но в последнее время Фу Юй ни с того ни с сего превратился в какого-то «джентльмена-хулигана»: кроме редких прикосновений и мелких вольностей, он больше не переходил границ.

И это лишь подливало масла в огонь голодного инстинкта.

Идеально совместимые феромоны были так близко — на расстоянии вдоха, на расстоянии прикосновения, — но каждый раз всё ограничивалось лишь лёгким вкусом, едва заметным касанием. Сухая солома медленно тлела, выжигая разум, поджаривая сознание изнутри.

Инстинкт был как путник, умирающий от жажды в пустыне, — горло горело, будто в нём пылал огонь.

Но по какой бы причине ни судить, Бай Юй не мог попросить у Фу Юя феромоны, чтобы утолить эту жажду.

Он лежал с закрытыми глазами, с едва выступившими на лбу венами, до боли стиснув зубы, не желая выдать ни малейшего признака слабости. Он старался выровнять дыхание, подавить неугомонные феромоны и ту проклятую, недопустимую, не имеющую права на существование... страсть.

— Тяжело терпеть?

Голос Фу Юя вдруг прозвучал у самого уха — как раскат грома.

Бай Юй вздрогнул, резко перевернулся, пытаясь встать с кровати, но его тут же перехватили и прижали обратно.

Он упал на мягкие простыни. Пояс халата в борьбе разошёлся, ткань сбилась. Фу Юй прижал его к себе, а другая рука без малейших колебаний начала исследовать тело.

Низкий, хрипловатый утренний голос скользил по его слуху, как шёпот искуителя:

— Зачем так мучить себя? К чему это бессмысленное самообуздание? Омега рождён, чтобы быть отмеченным Альфой. Я — твой Альфа со стопроцентной совместимостью. Попросить у меня помощи — это так унижительно?

Разница в силе была слишком велика. Бай Юй не мог вырваться. Когда его коснулись самых чувствительных мест, лицо мгновенно вспыхнуло, как у варёного рака. Он весь сжался, словно котёнок, но не смог остановить ни единого движения. Стиснув зубы, он всё же выдохнул сдавленный, почти стонущий звук:

— ...М-м... ты в своём уме?.. Я же твой старший брат... я видел, как ты рос!

Последние слова он почти выкрикнул.

Фу Юй не остановился.

В его движениях была спокойная, изящная жестокость. Острые клыки приблизились к мягкой, сладко пахнущей железе Омеги, опасно прижались, медленно скользнули по коже, словно дразня и угрожая одновременно. Чувствуя, как тело в его объятиях сдержанно дрожит, он понизил голос — будто делился тайной, о которой никто не должен узнать:

— Тогда ты тем более должен принадлежать мне.

Тело Бай Юя дёрнулось. Дыхание стало тяжёлым. В голове — пустота.

Из-за того, что произошло утром в спальне, завтрак прошёл под гнетущим, тяжёлым давлением.

Альфа был в прекрасном настроении, то и дело бросал на него улыбающиеся взгляды.

Стейк на тарелке Бай Юя был нарезан на мелкие кусочки — каждый надрез ножа будто был пропитан убийственным настроением. У старого дворецкого дёргалось веко: хорошее настроение после редкой спокойной ночи исчезло без следа, и он снова погрузился в свои вечные тревоги о мире и судьбах человечества.

— Брат, — закончив завтрак, Фу Юй, вопреки обыкновению, не спешил уходить. Его голос звучал легко и весело. — Если у тебя нет дел, давай сегодня выйдем куда-нибудь, расслабимся.

Бай Юй даже не поднял взгляд:

— Опять какой-нибудь приём?

Фу Юй улыбнулся, подперев щеку ладонью, с наигранной искренностью:

— Тебе не нравятся такие места. Больше не буду тебя туда водить.

— Мне пасть ниц и благодарить? — с холодной иронией Бай Юй отложил нож и вилку, потеряв аппетит.

В последнее время у него вообще не было аппетита: усталость, вялость, раздражение. И потому его отношение к Фу Юю становилось всё резче. Он даже утратил ту остаточную осторожность и страх, которые когда-то испытывал, ещё притворяясь Альфой.

Помимо раздражения, вызванного феромонами, он испытывал Фу Юя — прощупывал границу его терпения.

Альфа, вкушивший утренней «сладости», разумеется, не разозлился. Его спокойствие было таким безупречным, что со стороны казалось, будто это Бай Юй ведёт себя неразумно.

Чаще всего Фу Юй был именно таким — терпеливым, мягким, снисходительным. Но это терпение напоминало не доброту, а взгляд сильного льва, с ленивым интересом наблюдающего за добычей. В нём было что-то кровавое и жестокое. Бай Юй прекрасно понимал: это не великодушие — это уверенность в силе, это спокойствие того, кто заведомо сильнее.

Вспомнив разговор с Тан Сюем, Бай Юй раздражённо отвёл взгляд.

Он согласился создать на Фу Юе «брешь», шанс, которым Тан Сюй сможет воспользоваться. Тот пообещал, что это не будет угрожать его жизни и не нанесёт ему фатального вреда.

Хотя формально всё было именно так, Бай Юй прекрасно понимал: Тан Сюй — хитрый Альфа, далеко не наивный «сладкий дурачок», который будет слепо следовать его инструкциям. Он не собирался идти по навязанному сценарию шаг в шаг. Поэтому Бай Юй потребовал от него сначала найти способ снять браслет с его ноги в знак искренности намерений.

Стоило только избавиться от этого проклятого браслета — и он тут же исчезнет, убежит подальше и больше не вернётся. А уж эти двое Альфа пусть разбираются, как хотят.

Бай Юй равнодушно опустил голову и принялся превращать кусочки говядины в фарш.

— Всё, — вовремя вмешался Фу Юй, спасая тарелку с несчастным стейком от окончательного уничтожения. — Брат, если ты продолжишь, он точно не обретёт покой. Даже самый лихой палач не владеет ножом так безжалостно, как ты.

Он встал, мягко улыбаясь, — красивый, элегантный, словно нежный возлюбленный, приглашающий на свидание:

— Пойдём?

Выбора у Бай Юя не было.

Он совершенно не хотел выходить с Фу Юем. Он хотел остаться в своей мастерской, спокойно наблюдать за развитием событий, шаг за шагом, ждать сообщений от людей или от Тан Сюя и только потом принимать решения. Но стоило Фу Юю заговорить — и право на отказ исчезало.

Сегодня даже не нужно было использовать ингибитор.

Временная метка Альфы плотно запечатала его феромоны внутри тела. Если только кто-то не приблизится к его затылочной железе совсем уж неприлично близко и не станет принюхиваться, уловить его истинный запах было невозможно.

Бай Юй нахмурился и повёл шеей, раздражённо поморщившись.

В том, как Фу Юй делал временную метку, он был просто отвратителен.

Он прожил больше десяти лет в статусе Альфы, учился как Альфа, проходил базовые уроки физиологии как Альфа — теорию он знал прекрасно. Чтобы поставить временную метку Омеге, вовсе не нужно было кусать так глубоко, соединяя боль с удовольствием от феромонов.

Так делают только неопытные сопляки.

Мусорный Альфа.

Повернув голову, он задел укушенную железу — резкая боль дёрнула шею. Губы Бай Юя беззвучно шевельнулись в ругательстве, но он упрямо отвернулся, прислонился к окну

машины, закрыл глаза и сделал вид, что Альфы рядом просто не существует.

Когда машина остановилась, лёгкий толчок инерции резко выдернул его из дремоты.

Он с удивлением понял, что действительно заснул.

И в чьих-то объятиях.

— ...

Инфантильность Альфы не знала границ.

Бай Юй открыл глаза и увидел, что Фу Юй с интересом разглядывает его лицо — внимательно, изучающе, будто наблюдает уже давно.

— Ты чего?

Фу Юй прищурился с улыбкой:

— Брат, ты такой красивый... Когда учился, за тобой, наверное, полшколы бегало?

Бай Юй не стал отвечать. Он оттолкнул его руку, сел ровно и выглянул в окно — и в глазах мелькнуло удивление.

Фу Юй привёз его к дому его матери.

К дому дяди.

Бай Юй бывал здесь всего один-два раза.

Мать была человеком, которого родня сначала использовала, потом отвергла, потом снова использовала — и снова отвергла. У него не было к этому месту ни малейшей симпатии. После её смерти он приходил сюда, пытаясь забрать её вещи.

Итог был предсказуем: его высмеяли, унизили и выставили за дверь.

Даже сейчас, оказавшись здесь, Бай Юй чувствовал психосоматическую тошноту, спазм где-то внутри.

Фу Юй наклонился ближе, уперев руку в дверцу машины. В голосе, как всегда, звучала улыбка:

— Узнаёшь? Говорят, хозяин этого дома отправил одного Омегу соблазнить Альфу. Карма не заставила себя ждать — тот сорвался с верхнего этажа, сломал ногу, а больницы его даже не приняли. Теперь бедняга лежит дома, прикованный к постели.

Тон был почти ласковым, но слова — вовсе нет.

У Бай Юя дёрнулось веко.

Он вспомнил тот приём, когда у него внезапно перестал работать маскирующий препарат, и Фу Юй его нашёл. Тогда он был вынужден солгать, сказав, что он — Омега, которого прислал дядя.

С тех пор как Фу Юй раскрыл обман, он ни разу не вспоминал об этом.

Оказывается, просто ждал подходящего момента.

<http://bllate.org/book/14965/1423216>